

Алиса Лунина

Дети Марии

*Часть сборника
У нас будет ребёнок! (сборник)*

Алиса Лунина

Дети Марии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22040717

У нас будет ребёнок!: рассказы современных писателей: Э; Москва;

2016

Аннотация

«В перерыве между операциями заведующая акушерским отделением Первого родильного дома Мария Петровна Арсеньева зашла в ординаторскую. Она стояла у стола и просматривала медицинские карты, когда ее мобильный телефон зазвонил.

– Здравствуй, Маша! – сказал мужской голос.

Мария мгновенно узнала этот голос и не то что вздрогнула – содрогнулась. И как подкошенная, рухнула в кресло. Сердце бешено колотилось. Это был голос с того света. Человек, с которым она сейчас говорила – Георгий Качарава, – погиб двадцать два года назад...»

Алиса Лунина

Дети Марии

Подмосковье. Наше время

В перерыве между операциями заведующая акушерским отделением Первого родильного дома Мария Петровна Арсеньева зашла в ординаторскую. Она стояла у стола и просматривала медицинские карты, когда ее мобильный телефон зазвонил.

– Здравствуй, Маша! – сказал мужской голос.

Мария мгновенно узнала этот голос и не то что вздрогнула – содрогнулась. И как подкошенная, рухнула в кресло. Сердце бешено колотилось. Это был голос с того света. Человек, с которым она сейчас говорила – Георгий Качарава, – погиб двадцать два года назад.

– Ты умер, – растерянно сказала Мария.

– Иногда и мертвые возвращаются, Маша, – сказал Георгий. – Впрочем, как видишь, я жив.

Он рассказал, что много лет искал ее, даже нанял детектива, как в каком-нибудь шпионском фильме, и вот – нашел.

– Маша, что же ты молчишь?

Она больно, до крови закусила губы – что она может ему сказать?!

– Я думала, что ты умер, а ты, оказывается, жив?! Как же так?! И что теперь мне делать? Как тяжело дышать... Кажет-

ся, что земля уходит из под ног...

В кабинет заглянул врач-анестезиолог, но, увидев лицо заведующей, вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Гера, я... не могу сейчас говорить, – выдавила Мария, – я позвоню тебе. Потом.

– Хорошо, – сказал Гера, – ты можешь позвонить мне на номер, с которого я сейчас говорю.

Закончив разговор, некоторое время Мария продолжала сидеть с телефоном в руках. Вошедший в кабинет доктор Стариков о чем-то ее спросил, но тут же замолчал – у сорокалетней заведующей отделением Первого родильного дома Марии Петровны Арсеньевой было совершенно белое, как мел, лицо.

– Мария Петровна, что с вами? Хотите, я вас заменю на операции? – предложил Стариков.

– Да, пожалуй, – сказала Мария. – Я, кажется, не здорова.

Мария шла по коридору больницы, не отвечая на приветствия коллег, не видя и не замечая ничего вокруг. Звонок из прошлого от человека, которого она столько лет считала погибшим, все перевернул в ее душе.

В больничном сквере она бессильно опустилась на скамейку и долго сидела так в оцепенении; и только когда хлынул оглушительный июньский ливень, она поднялась и пошла к выходу из больничного городка – медленно, словно не замечая дождя. Дождь вообще пошел вовремя – благодаря

ему никто бы и не подумал, что эта хрупкая светловолосая женщина в синем платье плачет; со стороны казалось, что по ее лицу текут дождевые капли.

Дверь Марии открыла ее средняя дочь – семнадцатилетняя Лиза.

– Мам, что с тобой? Ты промокла...

Мария прошла в свою комнату и молча легла на диван.

– А почему ты сегодня так рано? – с беспокойством спросила Лиза.

– Лиза, пожалуйста, забери сегодня Соню из садика. Мне что-то нездоровится, – попросила Мария.

– Ладно, – кивнула Лиза. – Ма, с тобой все в порядке?

– Со мной все в порядке. Просто болит голова. Иди, я посплю.

Когда дочь ушла, Мария взяла телефон и набрала номер, с которого ей сегодня звонил Георгий. Марии казалось, что звонок Геры ей пригрезился, что на самом деле его не было, что сейчас она звонит в пустоту, никто ей не ответит. Но уже через мгновение в трубке:

– Да, Маша, – это был голос Геры.

* * *

Вечером Лиза привела из садика младшую сестру – шестилетнюю Соню. Мария накормила Соню ужином, постави-

ла ей диск с мультфильмами – пусть смотрит. Она все делала машинально, как в гипнозе.

– Мама, я ухожу, приду поздно, – предупредила Лиза.

Мария очнулась, взглянула на дочь – на лице боевой раскрас, футболка с вызывающей надписью, рваные джинсы – в дырах гуляет ветер – кошмар. А на улице Лизу, конечно, ждет этот парень... Мария вздохнула – в последнее время с дочерью нет никакого сладу, как с цепи сорвалась. Запросто может заявиться под утро и без тени смущения сообщить, что она ночевала у этого своего... у Вани.

– Лиза, у тебя экзамены! – напомнила Мария. – О чем ты думаешь?

Хотя зачем спрашивать, когда и так ясно, о чем, вернее о ком, думает Лиза. Предмет ее размышлений Ваня – лохматый, в ухе серьга, штаны на заднице болтаются, словно сейчас он их потеряет. Это что – достойный избранник?!

– Провалишь экзамены в институт, вот чем закончится эта дурацкая история! – устало заключила Мария.

– Мама, это не дурацкая история, – возразила Лиза. – У нас с Ваней – любовь!

– Ну, какая любовь? Какая любовь может быть в твоём возрасте?! – Мария покачала головой и вдруг осеклась.

Абхазия. Сухуми. 1992 год

– Что у тебя с ним? – грозно спросила Ирина у дочери.

– Все! – просто сказала Маша.

Ирина так и села, схватившись за сердце.

– Что – «все»?

Маша улыбнулась:

– Любовь, мама!

– Да какая любовь в семнадцать лет? – захохла Ирина. –

Вы оба еще дети!

– А Джульетте вообще было тринадцать! – хихикнула Маша.

Ирина пожала плечами:

– Ну, так ничего хорошего из той истории и не вышло.

Главное, когда вы успели закрутить эту самую любовь?!

Когда успели?! С Герой по фамилии Качарава Маша училась в одном классе, но до поры до времени она не обращала на него внимания. Так, видела, что Гера красивый мальчик, знала, что он хорошо учится, – да вот и все; они даже не общались. А в начале десятого класса, осенью, когда к ней на улице пристали взрослые парни и Гера за нее вступился, Маша присмотрелась к нему и поняла, что он не такой, как все, – он интересный, умный, прочел много книг, с ним есть о чем поговорить. В тот день домой они пошли вместе (жили на соседних улицах) и с того дня не расставались. «Ну что ты все время проводишь с этим Герой?» – ворчала Ирина. «Он – не такой, как все, он – особенный!» – улыбалась Маша.

Уже в июне, на выпускном вечере они сказали друг другу главные слова, и решили – вместе. Навсегда.

Ирине все это, конечно, не нравилось. Как мать, она хотела для своей единственной дочери – умницы и красавицы – лучшей судьбы и лучшего жениха. Против самого Георгия она в принципе ничего не имела – парень умный, воспитанный, красивый (тут она дочь понимала), и родители его – уважаемые люди, но ее смущало, что другой национальности. Мать Геры – грузинка, отец – абхаз, а Маша из русской семьи; не скажутся ли потом эти национальные различия? Да и одобряют ли Герины родители отношения сына с русской девушкой? Пока что его мать Тамара даже не здороваются с Ириной – на улице всегда отворачивается, хотя знает, что Гера встречается с ее дочерью. Правда, отец Георгия – Давид Качарава – неизменно приветлив, встретит – всегда улыбнется, расспросит о делах, но кто его знает, будет ли он доволен, если речь пойдет о том, чтобы им породниться?

– Маруся, ты пойми, Гера – другой, – мягко заметила Ирина. – Другая культура, другие ценности, все другое.

– Зато от смешанных браков родятся самые красивые дети! – рассмеялась Маша.

Ирина ахнула:

– Я тебе дам! Дети! Рано вам об этом думать. Сами еще дети. Ты и этот твой желторотый Гера. О будущем надо думать! Учиться!

Да, о будущем надо думать. Но Маша думает – она еще в восьмом классе решила стать врачом. В следующем году

она будет поступать в медицинский институт, а уже с осени начнет работать в городской больнице. И Гера думает о будущем – через пару лет хочет поступить в институт; а пока, чтобы не сидеть на шее у родителей, он устроился в тот же автопарк, где работает водителем его отец.

– Так что, мама, извини, ты не права! Мы с Герой уже не дети, а взрослые самостоятельные люди, да!

– Взрослые! – снисходительно усмехнулась Ирина.

И все у Маши с Герой хорошо, но единственное, что беспокоит Машу, – так это напряженные отношения с матерью Геры. Тамара Качарава на Машу смотрит волком, наверное, ей не нравится, что сын выбрал русскую.

Мать Геры – высокая, статная, в ее облике есть что-то царственное (недаром муж Давид называет ее «царица Тамара»). Она красива, но это какая-то тяжелая красота; у Тамары крупные черты лица, темные глаза-уголья (ее взгляд трудно выдержать), густые, длинные, иссиня-черные волосы. Увидев Тамару в первый раз, Маша невольно подумала, что мать Геры похожа на колдунью из сказки (и тут же смутилась – нельзя так о матери любимого мужчины!). Маша Тамару побаивалась, чувствуя, что та ее на дух не выносит, но однажды не выдержала и прямо спросила:

– Тетя Тамара, я вам не нравлюсь?

Тамара ничего не ответила, но по ее глазам все и так было ясно: «Ты не подходишь моему сыну. И я никогда не смирюсь с его выбором. Мы сами найдем ему невесту».

– Не сердись на мать, – как-то попросил Машу Гера, – в их семье так было принято – родители сами выбирают сыну невесту. Невесте – *жениха*.

Да, у них так было принято, правда, сама Тамара когда-то послушалась родителей, выбрав в мужа Давида. Ее грузинская родня возмутилась – замуж за абхаза?! Но Тамара была не из тех, кому можно что-либо диктовать, и вышла замуж за Давида.

А вот отец Геры Машу привечает – улыбается, шутит. Давид как-то сказал Маше, что в нем самом много русской крови – его бабушка была русской. И старший брат Геры – Сандро к Маше хорошо относится, говорит, что Гера выбрал самую красивую девушку в Сухуми.

Ну а расположение суровой Тамары Маша все-таки надеялась заслужить со временем.

Стояло прекрасное лето, цвели сады. Вечерами Маша с Герой пропадали на море, часто задерживаясь на пляже до самой ночи. У них был потаенный уголок на каменистом берегу, где можно было, спрятавшись от всех, купаться, болтать, целоваться.

Маша часами могла смотреть на Геру. У Геры темные волнистые волосы и глаза удивительного цвета – не черные, а чайные, красивые очерченные губы и смуглая бронзовая кожа. Гера прекрасно сложен, его кожа пахнет морем и солнцем. Когда Гера целует ее, Маша чувствует, что сходит с ума, и внутри у нее словно перекатываются какие-то волны, уда-

ря в низ живота. В последние дни им становится все труднее остановиться, чтобы не перейти запретную грань, все труднее оторваться друг от друга.

И однажды Маша сама сказала Гере – не останавливайся! Пусть все будет. Они застыли на краю пропасти и – полетели.

...Она зашла в море, и море омыло ее кровь. Маша плыла, рассекая волны, чувствуя гордость и счастье от того, что она стала женщиной.

Потом, правда, она испугалась и, выйдя на берег, спросила Геру:

– А что мы будем делать, если я забеременею?

– Поженимся! – сказал Гера, как о чем-то разумеющемся.

Они сидели, обнявшись. Море шумело. Над морем висели огромные звезды. Казалось, что это лето никогда не кончится.

Подмосковье. Наше время.

Взяв с Лизы обещание вернуться домой до полуночи и проводив дочь, Мария включила компьютер. Два часа назад, когда они разговаривали по телефону, Гера пообещал написать ей. Мария зашла в свою электронную почту и увидела письмо. Этого письма она ждала двадцать три года.

Когда-то они с Герой любили писать друг другу – записочки с клятвами, письма. Последнее он написал ей за день до войны.

...Однажды коллега по работе – акушерка Ольга – спросила Марию:

– Мария Петровна, вы жили в Абхазии, когда там началась война?

Мария помрачнела – она не любила говорить на эту тему, сразу каменела – ни слов, ни эмоций.

– Меня туда в детстве летом возили на море отдыхать. Так странно – пальмы, инжир, мандарины, и вдруг – война. Как-то в голове не укладывается. А с чего все началось? – простодушно спросила Ольга.

Мария вздохнула – с чего все началось-то?

Пройдет время, историки дадут оценку произошедшим событиям, народ придумает свою мифологию на тему этой войны, а для нее все началось в тот августовский вечер, когда они пришли к Гере домой и поразились тому, какие застывшие, напряженные лица у его родителей.

Абхазия. Сухуми. 1992 год

– Вы чего оба такие мрачные? – увидев родителей, рассмеялся Гера.

Его отец вздохнул:

– Война...

Тогда еще было непонятно – надолго ли она затянется и чем закончится. Маше казалось, что все быстро разрешится, ну потому что какая может быть война в наше-то время?! Однако Гера ее оптимизма не разделял, был мрачен, подав-

лен. Как-то с горечью признался ей, что эта война проходит через его сердце. Его мать – грузинка, отец – абхаз, и уже год родители яростно спорят друг с другом насчет того, кто прав, кто виноват в обострившейся распре грузин и абхазов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.